

УДК 301:29

З.М. Абдулагатов

Религия в системе идентичностей молодежи Республики Дагестан

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; Zaid48@mail.ru

---

В статье на основе данных социологических опросов показано влияние религиозного фактора на российскую гражданскую, этнические идентичности и на патриотизм дагестанской молодежи.

Ключевые слова: *Россия, Дагестан, идентичность, патриотизм, религиозное, светское.*

On the basis of data of opinion polls shows the influence of the religious factor in the Russian civil, ethnic identity, and patriotism in the minds of young people of Dagestan.

Keywords: *Russia, Dagestan, identity, patriotism, religious, secular.*

Проблемы общероссийской гражданской идентичности, российского патриотизма в современных условиях стали чрезвычайно актуальными. Они волнуют и общество, и власть. Президент РФ В.В. Путин в одной из своих предвыборных статей, выражая свою озабоченность проявлениями национализма, религиозной нетерпимости в России, определил общероссийскую задачу в этой сфере общественных отношений следующим образом: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим»[3]. В условиях Северного Кавказа из-за высокого уровня исламского религиозного сознания в регионе решение этой задачи имеет свои особенности. В РД указанные проблемы еще более обострены в связи с вовлеченностью молодежи в религиозно-политическую деятельность, которая так или иначе связана с сепаратистской идеологией.

Одной из главных проблем в формировании патриотического сознания является идеология либеральной демократии. Многообразие идеологий, за каждой из которых своя социальная база, создает различные траектории социализации личности, вследствие чего патриотическая консолидация молодежного сознания становится проблемной. Усиление религиозной траектории социализации в ущерб светско-просветительской, государственно-национальной в социологических исследованиях проявляет себя достаточно отчетливо, о чем будет подробно сказано ниже. Ситуация усложняется тем, что идеология либерализма одной из своих основных позиций имеет «приоритет прав и законных интересов личности перед интересами общества, государства, нации» [4, с. 157].

В плане научного исследования проблем российской идентичности и патриотизма одна из задач состоит в том, чтобы по данным социологических опросов определить, как влияет рост исламского религиозного сознания на гражданскую идентичность, на патриотическое сознание молодежи.

Отдел социологии Института ИАЭ ДНЦ РАН по инициативе Комитета по молодежной политике РД в 2011 г. провел социологическое исследование среди молодежи республики по этой проблеме. В данном тексте использованы результаты этого и других исследований, проведенных отделом в разные годы.

Социологический опрос, проведенный в 2011 г. среди молодежи (возраст от 15 до 30 лет включительно), охватил 3 географические зоны республики (равнинную, предгорную, горную), различающиеся по своему социально-экономическому развитию и полиэтничности (Буйнакский, Бабаюртовский, Дербентский, Кизилюртовский, Лак-

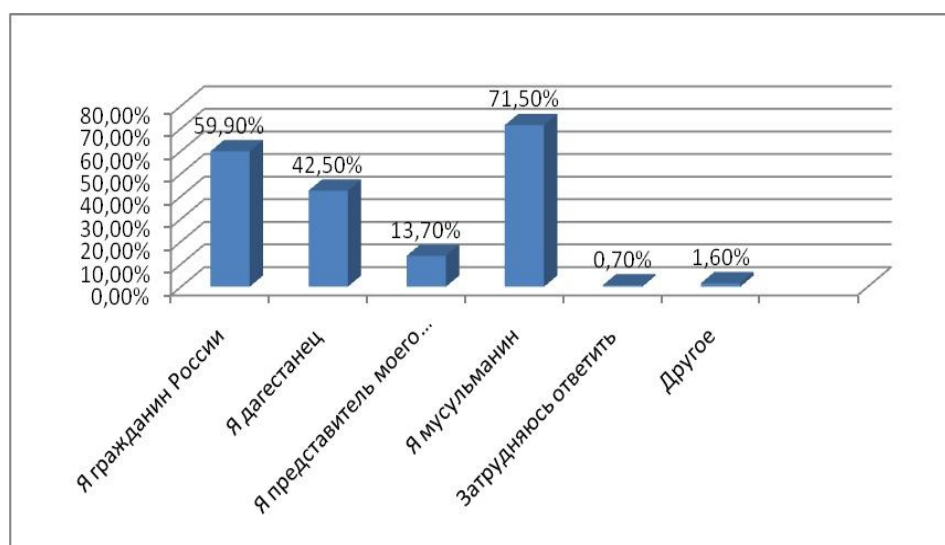
ский, Левашинский, Табасаранский районы), а также г. Буйнакск, Дербент, Махачкала, Хасавюрт. Всего было опрошено 585 молодых людей.

При выявлении форм идентичностей в молодежной среде основным методом служила самоидентификация личности, определяемая через ее ответы на вопросы соответствующей анкеты.

Результаты социологических опросов

Центральным в анкете 2011 г. являлся вопрос: «*Кем Вы себя, прежде всего, считаете?*». Респонденту были предложены шесть возможных вариантов ответа, из которых можно было выбрать только два наиболее соответствующих мнению отвечающего. Ответы были следующего характера: а) Я гражданин России, б) Я дагестанец, в) Я представитель моего народа (аварец, даргинец, кумык и т. д.), г) Я мусульманин, д) затрудняюсь ответить, е) другое.

Гистограмма № 1
Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя, прежде всего, считаете?» (%)

Гистограмма № 1 показывает достаточно высокий уровень российского государственного (гражданского) патриотизма у дагестанской молодежи. В условиях центробежных сил в российском гражданском сознании это хороший показатель, хотя, как будет видно далее, гражданская российская идентичность дагестанской молодежи ниже, чем у молодежи, проживающей на территориях, расположенных в центральной части Северного Кавказа.

Характерная для индивида многоступенчатость проявления идентичностей является нормой, ибо человек выполняет самые различные социальные роли. Государству в зависимости от того, какой тип идентичности наиболее актуализирован, необходимо принимать или не принимать те или иные меры. С этой точки зрения в характере самоидентификации дагестанской молодежи привлекает внимание высокая религиозная идентичность, которая намного превосходит показатели гражданской, российской и дагестанской идентичностей. В условиях, когда религиозная идентичность стала причиной сепаратистских настроений, она способна и впредь играть негативную роль, ослабляя государственную целостность как России, так и Дагестана.

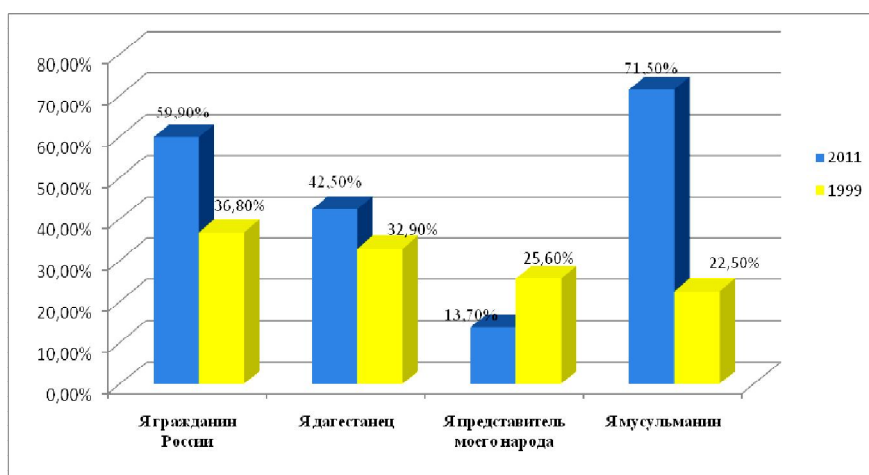
Высокая конфессиональная идентичность имеет и другой аспект своего влияния на сознание молодежи. Поскольку ислам не является национальной религией, а наоборот, подчеркивает свой интернациональный характер, он не может рассматриваться как причина интенсификации этнической идентичности. Но существует обратная зависимость: принадлежность к тому или иному народу в условиях религиозного ренессанса

обуславливает и конфессиональную идентичность человека, независимо от его веры в бога. По другим социологическим опросам, проведенным отделом социологии Института ИАЭ ДНЦ РАН, дагестанцы склонны считать религиозные традиции этническими. Мысль о том, что ислам – часть национальной культуры народа, имеет место в самосознании дагестанцев. Как следствие оскорбление религиозных святынь/символов воспринимается дагестанцами как оскорбление национальной принадлежности. Таким образом, существующий высокий показатель конфессиональной идентичности молодежи, отождествление ею религиозной и этнической принадлежности могут быть рассмотрены как проявления этнической идентичности.

Указанное обстоятельство имеет отрицательное влияние на гражданскую идентичность. Дело в том, что продолжающаяся фрагментация политических систем развитых стран, как считают эксперты, во многом обусловлена тем, что национально-политическую самоидентификацию теснят этническо-религиозные групповые идентичности. Последние трудно согласовать между собой, а достигаемый консенсус оказывается хрупким, что в целом снижает запас устойчивости демократических систем [6]. Нечто подобное в отношении российской гражданственности наблюдается в РД.

Тенденция, которая имеет место в развитии идентичностей в обсуждаемом разрезе, дана в сравнении опросов, проведенных в 1999 и 2011 гг. [7, с. 156–161].

Гистограмма № 2
Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя, прежде всего, считаете?» (%)
1999 и 2011 гг.

В гистограмме № 2 обращают на себя внимание следующие позиции: а) сильно выраженный рост конфессиональной идентичности; б) усиление российской (гражданской) и дагестанской идентичностей при заметном ослаблении этнической идентичности.

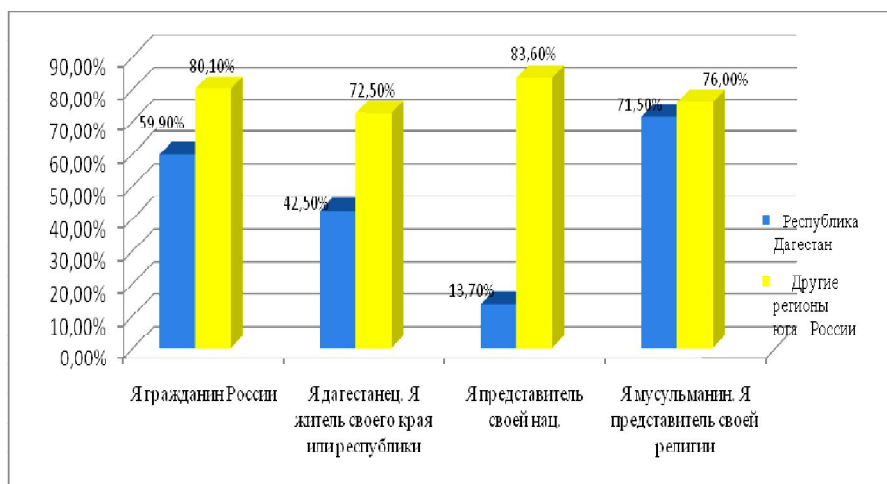
Имеют право на существование понятия «этнический мусульманин», «дагестанский мусульманин», которые характеризуют представителя Дагестана, социализирующегося под большим влиянием мусульманской культуры и считающего ее частью традиционной культуры всех дагестанцев. И в этом качестве он соблюдает обряды (обряд похорон, праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам) будучи даже неверующим.

Опросы по России среди православных и мусульман выявили, что отдельные граждане хорошо осознают эту ситуацию, говоря о себе «я неверующий, но православный», «я неверующий, но мусульманин». В условиях опасностей и угроз этническим культурам, когда иные их составляющие трудно актуализировать, и они в условиях экспансии иных культур плохо выражают необходимые консолидирующие, защитные функции, обращенность к конфессиональной идентичности можно считать закономерной.

Особенности самоидентификации дагестанской молодежи видны из сравнения опросов, проведенных в Дагестане и в других регионах России. В этом смысле ценность представляет исследование по выявлению «портфеля идентичностей», проведенное учеными из г. Ставрополя и Южного научного центра РАН [1, с. 18–27].

В гистограмме № 3 изображены данные опросов, проведенных в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарском и Ставропольском краях, в сравнении с показателями, полученными в Республике Дагестан.

Гистограмма № 3
Распределение ответов на вопрос об основных идентичностях молодежи
(Дагестан и другие регионы Юга России) (%)

По гистограмме № 3 видно, что по сравнению с другими южными регионами России, типы социальной идентичности дагестанской молодежи значительно ниже актуализированы. Исключение составляет лишь конфессиональная идентичность, которая выражена в нашей республике незначительно ниже.

Особенность опросов, проведенных на Юге России, заключается в том, что в них участвовали представители двух крупных российских конфессий: христианской и мусульманской. В выборке по республике православное население оказалось статистически представленным недостаточно (всего 0,6 %, тогда как православных в составе населения Дагестана 4,8 %). Исключение показателей представителей русского народа из опроса по Югу России несколько изменяет картину, делает более конкретным проводимое сравнение.

Сравнение идентичностей молодежи нехристианских конфессий регионов Юга России и Дагестана также показало, что в массовом сознании молодежи Дагестана основные идентичности актуализированы слабее (см. гистограмму № 4).

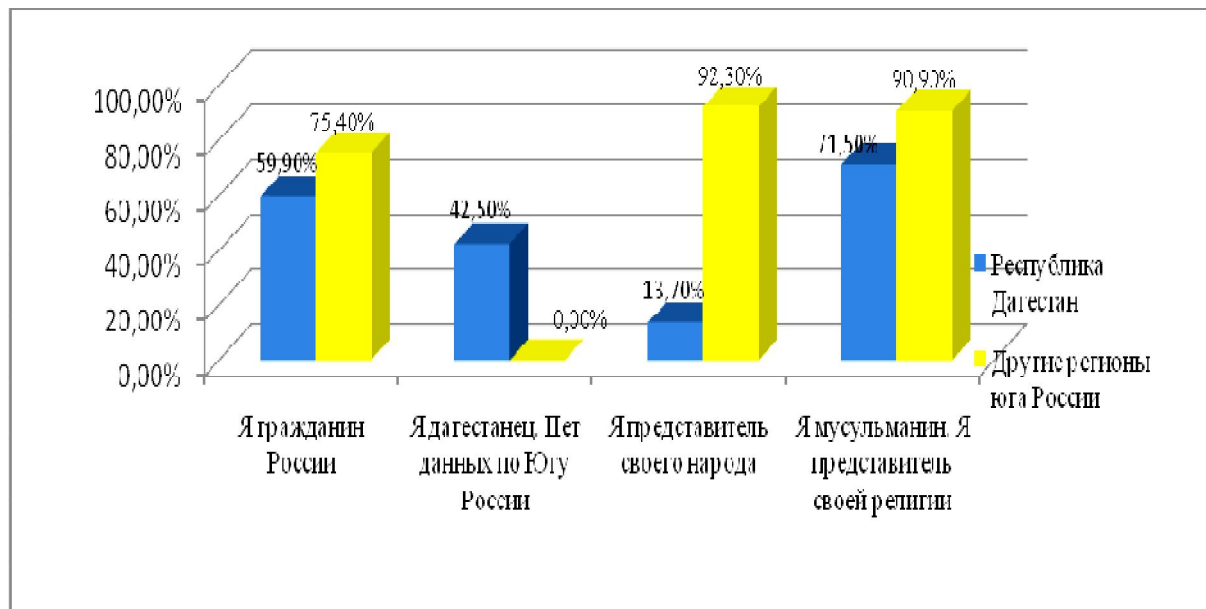
Это различие особенно контрастно в самовыражении молодежью этнической идентичности. Молодые люди других народностей в структуре социальной идентичности выразили исключительно высокую значимость как этнической, так и религиозной идентичностей. Надо также отметить, что гражданская идентичность у русской молодежи (85,4 %) заметно выше, чем у дагестанцев (59,9 %) и других северокавказских народов (75,4 %). В то же время у русской молодежи, относительно мусульманских народов Юга России, оказалась менее выраженной конфессиональная идентичность.

В анализе вопросов анкеты обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Уже отмечалось, что под гражданской (русской) идентичностью часто подразумевают и российский патриотизм. В действительности это не одно и то же, хотя между этими понятиями наблюдается тесная положительная корреляция. Опрос показал, что

это различие имеет место в молодежном сознании. Так, из числа тех, кто заявлял, что он «прежде всего гражданин России», лишь 70,2 % считают себя патриотами России; а 6,7 % отмечают, что они не являются патриотами России, затруднились с ответом 20,3 %.

Гистограмма № 4

Распределение ответов на вопрос об основных идентичностях молодежи (Дагестан и другие народы Юга России, за исключением русских) (%)

Российский патриотизм и российская идентичность оказались наиболее дистанцированными у той группы молодежи, которая считает своей приоритетной идентичностью ценности религиозного сознания: среди тех, кто в общей выборке идентифицирует себя прежде всего как мусульманин – 71,5 %, патриотами России назвали 54,7 %, при этом у них же самый высокий показатель не считающих себя патриотами России – 11,5 %; 30,7 % воздержались от ответа.

В общей выборке патриотами России себя считают 61,3 % опрошенных. Нельзя не заметить, что это выше показателя *я прежде всего гражданин России* (59,9 %), что свидетельствует о том, что патриотами России себя назвали многие из тех, кто идентифицировал себя как дагестанец, представитель своего народа, мусульманин. По данным опроса, главным образом это произошло за счет тех, кто считает себя прежде всего дагестанцем. То есть российский патриотизм с дагестанской идентичностью имеют более тесную связь, чем с этнической и религиозной.

В ходе опроса выяснилось, что дагестанская молодежь в основном не считает признаком российского патриотизма выполнение своих гражданских обязанностей. В этом можно усмотреть особенности и недостаток патриотического сознания и патриотического воспитания молодежи в республике. Выполнение гражданских обязанностей считают патриотизмом лишь 15 % опрошенных.

При конкретизации вопроса, насколько дагестанская молодежь удовлетворена тем, что она имеет российское гражданство, интерес представляют ответы на вопрос, в какой стране хотели бы родиться респонденты. Результаты опроса показали неслучайность особого подчеркивания молодежью своей конфессиональной идентичности. В общей выборке на первое место выдвинулась позиция *хотел бы родиться в исламском государстве, где люди живут по законам шариата* (37,1 %). Группа, идентифицирующаяся мусульманами (*я прежде всего мусульманин*), естественно, отметила эту пози-

цию больше – 49,6 %; хотели бы родиться в России всего 22,4 % опрошенных. Тем не менее, желающих уехать из России на постоянное место жительства в общей выборке оказалось относительно немного (22,5 %), а 59,6 % сказали «нет», остальные – затруднились с ответом.

Выраженность российского патриотизма в определенной степени связана с отношением проживающих в России народов к русскому человеку. В доперестроечный период в Дагестане проживало около 20 % русского населения, на сегодняшний день – 4,8 %, и такая ситуация характерна практически для всех северокавказских республик. В последние годы темпы оттока несколько снизились, тем не менее, проблема остается.

В «Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г.» отмечается, что русское население на территории СКФО является фактором стабилизации этнополитической ситуации в регионе и источником высококвалифицированных кадров, необходимых для обеспечения устойчивого развития федерального округа. Поэтому президент РФ и общественные лидеры СКФО считают, что сегодня важно не только прекращение оттока, но и возвращение русского населения на территорию СКФО. Возвращение русского населения одновременно означало бы и усиление государственного (русского) патриотизма в северокавказских республиках, ибо, как известно, исламский радикализм имел цель оторвать Чеченскую Республику, Республику Дагестан, да и весь Северный Кавказ от Российской Федерации. Более того, можно утверждать, что религиозный радикализм и сепаратизм шли нога в ногу.

Отношение к русскому человеку нерусскоязычных дагестанцев выявлялось Отделом социологии Института ИАЭ ДНЦ РАН еще в 90-е годы прошлого века. Респондентам был задан вопрос *Если бы вы оказались вдали от своего народа, то с какими из представителей российских народов хотели бы жить рядом?* и предложены варианты ответов: а) с аварцами, б) с даргинцами, в) с кумыками, г) с лезгинами, д) с лакцами, е) с русскими, ж) с другим. Полученные 15 лет назад ответы на данный вопрос очень удивили социологов по причине того, что опрошенные дагестанцы указывали друг на друга как на желательных партнеров для совместного проживания в пределах от 4 до 8 %. В отношении представителей русского народа эти показатели у дагестанцев были выше (40 %), а среди некоторых народов Дагестана желание жить с русским человеком в определенных условиях (рядом нет своих сородичей) доходило до 50 %. Это, безусловно, был высокий показатель российской идентичности.

В опросе 2011 г. данный вопрос был задан вновь, но представителям молодежи. В общей выборке совместное проживание с русскими предпочитает 14,4 % дагестанской молодежи; среди идентифицирующих себя «гражданином России» таковых наибольшее число (17,1 %) в отличие от осознающих себя прежде всего «дагестанцем» (16,8 %), «представителем своего народа» (10,0 %) и «мусульманином» (11,2 %), что подтверждает существование корреляции между российской идентичностью и отношением к русскому человеку. Эти же данные опроса показывают, что российская идентичность молодежи в данном разрезе отношений по сравнению с показателями опроса 90-х годов значительно упала.

Учитывая то обстоятельство, что сепаратизм в северокавказских республиках связывался в большей степени с реализацией религиозных целей, важны ответы на данный вопрос в разрезе отношений респондентов к вере. Как оказалось, приоритетное отношение совместному проживанию с русским человеком верующие выразили в 2 раза меньше (14,1 %), чем неверующие (27,8 %) и затруднившиеся ответить на вопрос о вере (32,1 %). Среди учащихся, студентов исламских учебных заведений не оказалось никого, кто изъявил желание жить с представителем русского народа. С учетом того, что исламским образованием охвачены в РД примерно 6 тысяч человек и еще около 3 тысяч обучаются за рубежом, исламские учебные заведения можно считать одним из

мощных, постоянно действующих социальных институтов, ослабляющих российский патриотизм и российскую идентичность.

Вызывает озабоченность в ответах на данный вопрос и такой результат опроса. Как оказалось, среди трех возрастных групп, выделенных в опросе, наименьшее желание жить рядом с русскими выразили самые молодые – от 15 до 18 лет (от 15 до 18 лет – 12,3 %, от 18 до 25 лет – 16,8 %, от 25 до 30 лет – 22,5 %). Очевидно, что с возрастом отношение к русскому человеку в молодежной среде улучшается. Возраст от 15 до 18 лет – это в основном школьники, которые в будущем будут формировать общественное мнение дагестанцев. В этом одна из потенциальных опасностей для гражданской (российской) идентичности дагестанцев. Напомним, что гражданская (российская) идентичность у данной группы оказалась самой низкой среди выделенных возрастных групп – 50,4 %, тогда как у двух других – 57,9 % и 69,0 % соответственно. Это еще раз подтверждает связь гражданской идентичности с отношением к русскому человеку.

Российская идентичность и российский патриотизм в разрезе отношений молодежи к нормам шариата и законам государства.

Одной из позиций, которые определяют патриотическое сознание молодежи, является отношение к законам государства. В упоминаемой выше статье президента РФ В.В. Путина автор хочет подчеркнуть, считая ее своевременной и правильной, мысль о том, что «никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства» [3]. Очевидно, трудно и даже невозможно говорить о любви человека к государству, законы которого он не признает, более того, готов проявить гражданское неповиновение. Вполне возможно, что в этом есть вина самих законов. Но также возможно, что у человека отсутствует должное гражданское сознание. Если бы было замечено, что главной причиной своих протестных настроений сама молодежь указывает на доводы религиозного характера, то можно было бы говорить о явлении отрицательного влияния данного состояния религиозного сознания на формирование гражданской идентичности. Такой вывод еще более усилится, если окажется, что с ростом религиозности показатели протестных настроений у молодых людей также растут.

Для проверки этих предположений были использованы следующие подходы.

Во-первых, сравнивалось отношение к законам государства двух групп верующих, условно названных «фундаменталистами» и «модернистами». Выделение этих групп основывалось на их отрицании или утверждении необходимости мусульманской адаптации к новым условиям светской жизни.

Во-вторых, сравнивались ответы учащихся, студентов светских и религиозных учебных заведений.

В разрезе «фундаменталистов» и «модернистов» рассматривался вопрос об отношении респондентов к законам государства. Смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что они оцениваются как «второсортные», придуманные людьми, меняющиеся со временем. Тем не менее, мусульманин в традиционном исламе может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских [2].

В радикальном салафизме, в религиозно-политическом экстремизме эта позиция находит крайнюю форму своего проявления: а) мусульманина нельзя судить, ему нельзя присягать суду шайтанских (сатанинских) законов, помимо законов, ниспосланных Аллахом; б) мусульманин не может предоставлять «право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (издает законы только Аллах)» [5, с. 7]. Реализацию второй из этих позиций мы видим в деятельности радикальных салафитов на Северном Кавказе.

Одним из вопросов, с помощью которых выявлялось отношение респондента к законам государства, был следующий: Как Вы считаете, нормы шариата выше законов государства?

Таблица № 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, нормы шариата выше законов государства?». 2010 г. Молодежь. N = 574 (в %)

Группы выборки Группы по отношению исламской адаптации	Общее			Светское учебное заведение (МГЮА)			Исламские учебные заведения		
	Да	Нет	Затр. отв.	Да	Нет	Затр. отв.	Да	Нет	Затр. отв.
«Фундаменталисты»	58,1	14,0	20,2	58,3	19,4	16,7	80,5	4,9	11,0
«Модернисты»	26,9	46,2	19,2	42,9	42,9	28,6	100,0	0,0	0,0
Затр. ответить	29,0	17,4	44,9	0	21,4	57,1	42,9	0,0	57,1
Общее	51,4	17,6	23,3	42,1	22,8	28,1	78,3	4,3	14,1

Таблица № 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, нормы шариата выше законов государства?» по характеру и уровню образования. Опрос 2010 г. N = 574. Молодежь (%)

Варианты ответа Группы по образованию	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Ранг
Начальное (4–6 классов)	16,7	16,7	33,3	9
Среднее базовое (9 классов)	46,7	26,7	16,7	6
Среднее общее (10–11 классов)	50,0	16,8	26,3	5
Среднее специальное	43,5	26,1	21,7	7
Незаконченное высшее (после 3 курса вуза)	53,7	17,1	23,2	4
Высшее светское образование	43,0	19,8	27,9	8
Мусульманское нач. (мактаб, примеч. школа)	71,4	0,0	28,6	3
Мусульманское среднее (медресе)	88,5	1,9	7,7	2
Мусульманское высшее	100,0	0,0	0,0	1

Наиболее значимые показатели таблиц сводятся к следующему.

1. В молодежной среде РД законы шариата выше законов государства.
2. Для учащихся религиозных учебных заведений законы государства имеют более низкую ценность по сравнению со студентами светского вуза.
3. Различия в отношении к законам государства со стороны «фундаменталистов» и «модернистов» существенны: «фундаменталисты», в отличие от «модернистов», больше тяготеют к позиции приоритетности норм шариата относительно законов государства.

Все это показывает отрицательное влияние исламского религиозного образования на формирование правовой культуры светского общества. Такое же влияние на молодежь наблюдается со стороны «фундаменталистов» и исламского консерватизма.

В связи с полученными результатами необходимо также заметить, что в общей выборке оказалось 17,0 % учащихся и студентов исламских учебных заведений, 1,5 % – окончивших мактаб, 6,3 % – окончивших медресе, 0,9 % – высшее исламское учебное заведение и 42,7 % – умеющих читать Коран. Так или иначе к исламскому образованию оказались приобщены 68,4 % опрошенной молодежи РД. Это еще один показатель высоких возможностей религиозной социализации в республике, который на данном историческом этапе значительно ослабляет позиции гражданской идентичности и тесно

связанного с ней российского патриотизма. Тем не менее, как уже говорилось выше, для мусульманина в традиционном исламе «второсортность» светских законов совершенно не означает, что он должен их нарушать. Умеренный ислам, в отличие от салафитского, этого от него не требует.

Какова реальная ситуация, сложившаяся в религиозном сознании дагестанской молодежи? В связи с этим был задан вопрос о том, в каких случаях молодой человек может проявить неповиновение государству. Речь идет не просто о несогласии, а о возможном реальном действии против закона. Респонденту были предложены семь вариантов ответа. При анализе ответов проводились следующие действия. Во-первых, выделялась чисто конфессиональная причина несоблюдения законов, т. е. вариант ответа, в котором причина неправового поведения определяется как реализация исламского поведения.

Вычленение данной составляющей группового сознания проводилось выявлением удельного веса выбравших вариант ответа «Я могу проявить неповиновение государству, если его законы противоречат моей вере». Полученные ответы по данной позиции можно обозначить как отрицательное влияние религиозных установок на формирование гражданской идентичности. Во-вторых, выбор данного варианта ответа рассматривался в разрезе «фундаменталистов» и «модернистов». Преобладание «фундаменталистов» по данной позиции автор намерен считать еще одним подтверждением отрицательного влияния религиозного фактора на формирование общероссийской гражданской позиции.

Как оказалось, среди верующих молодых людей 29,6 % готовы выразить протест государству, «если его законы противоречат моей вере». Важно заметить, что среди семи предложенных возможностей ответа, данная позиция у верующих имеет наибольший удельный вес. В опросе 2004 года респондентам был задан несколько иной вариант данного вопроса. Он имел всего два варианта ответа, один из которых также определял возможность неповиновения государству по религиозным причинам. В 2004 г. этот вариант отметили 66,4 % молодых людей в возрасте «от 20 до 29 лет». Светский вариант ответа – «необходимо соблюдать законы государства в любом случае», отметили лишь 13 % той же возрастной группы. Различия в количестве возможных ответов, в формулировке вопроса в исследованиях 2004 и 2010 годов делают невозможным корректное сравнение полученных по ним ответов. Но по ним можно определить, что религиозный фактор в молодежной среде усиливает процессы негативной социализации в отношении светского государства.

Результаты сравнения позиций «фундаменталистов» и «модернистов» по варианту ответа «Я могу проявить неповиновение государству, если его законы противоречат моей мере» даны в следующей таблице.

Таблица № 3. Распределение ответов на вопрос о возможном неповиновении государству по причинам религиозного характера («Если законы государства противоречат моей вере»). Опрос 2010 г. N = 574. Молодежь (в %)

Группы выборки / Группы по отношению к исламской адаптации	Генеральная совокупность	Светское учебное заведение (студенты МГЮА)	Исламские учебные заведения
«Фундаменталисты»	31,7	25,0	25,6
«Модернисты»	13,9	0,0	66,7
Затр. ответить на вопрос об исламской адаптации	15,9	7,1	14,3
Общее	27,9	17,5	26,1

Как видно из таблицы, общие показатели возможных протестных настроений по причинам религиозного характера в исламских учебных заведениях выше, чем в светском (26,1 против 17,5 %). Максимальный показатель религиозно-протестного характера в общей выборке в ответах и на данный вопрос опять же проявляют «фундаменталисты».

Респондентам параллельно задавался вопрос о приоритетном для них виде образования и воспитания. В ответах и на этот вопрос молодежь вербально более склонна к религиозному воспитанию и образованию. В общей выборке за светское воспитание и образование высказались 15,3 %, за религиозное – 21,4 % опрошенных. Это – при основной массе воздержавшихся от ответа. Как и следовало ожидать, в группах с большим потенциалом религиозности второй из показателей оказался выше. Так, среди «фундаменталистов» за религиозное воспитание и образование высказались 24,3 %, учащихся медресе и мактабов – 71,0 %, духовных лиц – 100 %.

Полученные результаты косвенно подтверждают и тем, что основная масса молодежи склонна приобщиться к восточной (Саудовская Аравия, Ирак, Сирия и др.) культуре – 39,6 %. К западной (США, Франция, Италия и др.) – всего 5,4 %. К западной и восточной – 27,5 %.

Что плохого для гражданской идентичности, патриотических чувств, патриотического сознания, если молодежь проявляет больше уважения к лицам с духовным образованием? Что плохого в том, что они считают, что их статус в обществе должен быть выше, чем у носителей светского образования?

Отвечая на вопрос, надо заметить, что в светском государстве любые попытки, тенденции, в т. ч. и идейные, способствующие превращению светских ценностей во второстепенные – это проявления слабости патриотического сознания. Именно на основе глубоких светских знаний научного характера возможна достойная конкуренция современного общества и государства с жестким экономическим, политическим, военным внешним присутствием. Поддержка, приоритетность светских знаний – залог успеха в этом противостоянии. В них же – одно из общественно значимых проявлений патриотизма. Не случайно в России с 2001 г. запрещена деятельность политических партий на религиозной основе. В условиях дотационного Дагестана эта проблема приобретает особые черты: задача привлечения инвестиций из-за рубежа, модернизация производства, образования, внедрение новых технологий и др. становятся просто невозможными при отходе от секулярной модели общества. Высокий статус человека с высшим образованием – одна из ее составляющих.

Краткие выводы

1. Динамика изменений системы идентичностей молодежи РД идет в направлении усиления исламской идентичности.

2. Российский патриотизм и российская идентичность оказались наиболее дистанцированными у той группы молодежи, которая считает своей приоритетной идентичностью ценности религиозного сознания. Как оказалось, религиозный фактор снижает патриотизм группы с приоритетом гражданской идентичности примерно на четверть (23,5 %).

3. Российский патриотизм с дагестанской идентичностью имеет более тесную связь, чем с этнической и религиозной.

4. Показатели российского патриотизма молодежи РД в определенной степени связаны с отношением проживающих в России народов к русскому человеку. Динамика развития идентичностей молодежи РД в целом идет по траектории снижения роли русского человека как социального партнера. Это явление больше выражено у групп с приоритетами этнической и религиозной идентичностей. Такой вывод соответствует и реальным процессам активной сепаратистской деятельности исламских салафитских группировок на Северном Кавказе, в частности в Дагестане.

5. Более половины опрошенной молодежи РД (51,4 %) считает, что религиозные законы для них выше законов государства. Более всего это явление выражено среди сторонников консервативного ислама («фундаменталистов»), учащихся исламских учебных заведений различных уровней, духовных лиц. Это показывает, что достаточно высокие заявленные показатели российской идентичности среди молодежи (59,9 %) не находят должного подтверждения в отношении российских законов.

6. Высокий статус религиозных законов в молодежном сознании находит свое реальное выражение в готовности к возможному протесту государству достаточно большой доли из их числа (29,6 %) по религиозным причинам. В этом серьезная ущербность как российской идентичности, так и российского патриотизма молодежи РД.

С учетом того, что процессы религиозной социализации молодежи РД усиливаются в условиях активной пропагандистской, образовательной деятельности религиозных институтов, а также вовлеченности в это самого государства задача формирования российской гражданской идентичности, российского патриотизма остается проблемной.

Литература

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. – 2010. – № 12.
2. *Али-заде А.* Такфир // Исламский энциклопедический словарь. – М., 2007.
3. *Владимир Путин.* Россия: национальный вопрос//http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
4. *Волков Ю.Е.* Либерализм // Социальная политика. Энциклопедия. – М., 2006.
5. *Ярлыкапов А.А.* Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. – М., 2000.
6. Модернизация в предлагаемых обстоятельствах // Эксперт. – 28 декабря 2009 – 10 января 2010 года. – № 1.
7. *Абдулагатов З.М.* Самоидентификация личности и проблемы патриотического воспитания// Патриотическое воспитание населения Дагестана в современных условиях. – Махачкала, 2000.

Поступила в редакцию 22 сентября 2012 г.